

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р)-1
Е 732

Е 732 **Ермилов А.П.** Власть и экономические отношения: деятельностный подход. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – 312 с.

ISBN 978-5-89665-322-6

В монографии отношения господства-подчинения (власти) рассматриваются в качестве основы социальных отношений. Обосновывается универсальный характер власти и ее разновидностей – отношений собственности и управления. Используются разработанные в рамках деятельностного подхода методологические приемы анализа социальных систем, позволяющие последовательно выделить и проанализировать общественные, экономические и производственные отношения. Разработана типология производственных отношений и способов производства на основе типологии методов осуществления власти и форм собственности на средства производства. Выделение видов способов производства планового хозяйства (централизованно-управляемой экономики) позволило зафиксировать государственно-капиталистическую сущность советской экономической системы 60–80-х годов XX века.

Книга предназначена для специалистов в области социальной философии, политической экономии, институциональной экономической теории, теории экономических систем и истории советской экономики.

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р)-1

ISBN 978-5-89665-322-6

© Ермилов А.П., 2017 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.su/docs/2017/Ernilov2017Vlast_i_economicheskie_otnosheniya.pdf

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Выбрав экономические отношения в качестве предмета своего исследования, мы столкнулись с неоднозначностью их трактовок в отечественной литературе. В связи с этим возникла необходимость описания категорий более общего уровня, а именно – социальных отношений. Эта категория является предметом социальной философии, в рамках которой в течение последних двух столетий сформировались различные подходы к ее определению. Одним из таких является так называемый «деятельностный подход», занимающий важное место в отечественной и мировой философии на протяжении последних полутора столетий. Сущностью этого подхода является использование «социальной деятельности» в качестве исходной, «предельной» категории обществознания, которая вместе с тем превращается в основной методологический и объяснительный принцип исследования общества. По нашему мнению, в процессе разработки деятельностного подхода были получены многие важные результаты, способные стать основаниями для введения в научный оборот интересующих нас категорий.

1.1. Социальная деятельность как методологический, объяснительный принцип исследования человека и общества

Сущность и эволюция объяснительных принципов. Каждая научная теория при описании объектов своих исследований базируется на определенной системе понятий. Системный характер этих понятий означает, что они определенным образом связаны друг с другом. Можно выделить два основных принципа построения таких связей.

В первом случае в качестве исходного используется наиболее простой элемент, определенная «клеточка» изучаемого объекта, поэтапное усложнение которой постепенно доводит исследователя до уровня самого объекта и одновременно позволяет построить систему описывающих его понятий и категорий. Классическим

примером применения данного принципа является «Капитал» К. Маркса, где в качестве исходного понятия используется категория «товар», развитие которой постепенно позволяет построить необходимую систему категорий, описывающих капиталистическое хозяйство. Аналогичным образом теория различения веществ в химии основана на различии их молекулярного строения.

Во втором случае в качестве исходного используется объект более общего уровня, включающий в себя в качестве своей части или стороны непосредственный объект исследования. Последовательное расчленение исходного объекта позволяет сформировать и необходимую для описания объекта исследования систему категорий. Широкое применение различных вариантов этого подхода мы встречаем в общественном знании, и в том числе в экономической науке.

Одной из особенностей этого подхода при определении объектов исследования является необходимость выхода за пределы соответствующих видов наук. Так, определение экономики как объекта исследования не может быть осуществлено в рамках самой экономической науки. Это может быть сделано в рамках науки, занимающейся изучением объекта более общего уровня, в который экономика входит в качестве элемента. Чаще всего в качестве такого объекта используется общество, изучением которого на самом общем уровне занимается социальная философия. Соответственно, и определение экономики как объекта исследования корректно осуществлено может быть только в рамках этой науки. Отсюда возникает необходимость «состыковки» исследований в рамках социальной философии и экономической теории (политической экономии).

Другой проблемой данного подхода является выявление «предельно общего объекта», т.е. того, который не является частью чего-то более общего. Применительно к общественному знанию такой объект был назван «предельной абстракцией», т.е. исходной категорией, на базе которой формируются все остальные понятия этого раздела науки. Выбор «предельной абстракции» естественным образом определяет определенную методологию построения и особенности всей последующей системы категорий общественного знания. Разные абстракции лежат в основе разных систем категорий. В этом смысле «предельная абстракция» становится «объяснительным принципом» построения соответствующей теоретической системы. Последний термин получил широкое распространение в современной литературе.

«Предельная абстракция» и соответствующая методология построения системы категорий обществензнания важны не только и, возможно, не столько для социальной философии. Создаваемые здесь объяснительные принципы выступают основой формирования методологий специальных наук. Уяснение и применение этих принципов является необходимым условием их развития. Об этом свидетельствует и ряд примеров из истории современной общественной науки. Так, последовательное применение деятельностного подхода обеспечило серьезное продвижение марксистской политэкономии, отечественной психологии (А. Леонтьев, С. Рубинштейн, П. Гальперин), американской социологии (Т. Парсонс) и австрийской экономической школы (Л. Мизес).

Чем сложнее изучаемый объект, тем труднее выделить исходные, базовые понятия («предельные абстракции») и сформулировать методологические принципы их использования. Эти понятия являлись важнейшими элементами философского знания, при помощи которых формировалась теоретическая картина практического освоения природы человеком. По мере развития этого процесса происходили и изменения объяснительных принципов. Как отмечает Э.Г. Юдин: «У теоретического мышления, как известно, есть своя установившаяся периодизация. По-видимому, каждому крупному периоду можно поставить в соответствие, помимо всего прочего, и вполне определенную, характерную именно для него, общую схему объяснения, а внутри этой последней – еще дополнительно выделить некое универсальное понятие, образующее ее логический центр. Скажем, для античного мышления такую универсальную роль играло понятие космоса: именно к космосу восходили «последние» объяснения всей реальности, именно в нем усматривался тогда источник мирового порядка. Становление науки Нового времени происходит в той мере, в какой теоретическое мышление разрабатывает и содержательно развертывает понятие природы, притом именно в качестве универсального объясняющего понятия. ... Для нашей темы особенно интересно, во-первых, уяснение этапов освоения человеком природы в своей деятельности и, во-вторых, сопоставление понятий природы и деятельности, непосредственно соседствующих в истории познания в роли универсальных объяснительных принципов» [Юдин, 1997, с. 253–254].

Первоначально объяснения человеческого мира были основаны на признании наличия некоей сверхъестественной силы (космоса), которая и объединяла отдельных индивидуумов в различ-

ного рода сообщества и общества. Такой подход стал основой большого количества учений, многие из которых здравствуют и по сей день. По мере совершенствования практического освоения природы в период Нового времени последняя начинает использоваться в качестве объяснительного принципа. Однако в человеческом сознании постепенно формировалась неудовлетворенность таким объяснением, и возникало желание попытаться связать появление общества с какими-то более конкретными процессами. В итоге параллельно «природному» сформировался так называемый «деятельностный» подход, который провозглашал человеческую деятельность в качестве процесса, ответственного за формирование человеческого общества. По мнению сторонников этого подхода, именно совместная деятельность людей приводит к формированию общества и, следовательно, этот процесс является не сверхъестественным, а естественно-историческим. Как отмечает Э.Г. Юдин, «выделенные нами основные идеи и вехи в практическом освоении человеком природы позволяют рассмотреть эволюцию фундаментальных теоретических принципов объяснения в истории познания. История философско-теоретического знания, взятая под этим углом зрения, предстает как смена одних объяснительных принципов другими, как переход от понятия «природа» в его функции объяснительного принципа к категории «деятельность», принимающей на себя функцию фундаментальной схемы объяснения» [Юдин, 1997, с. 260].

Следует отметить, что в действительности в окончательном виде таковой «смены» не произошло, и оба понятия (природа и деятельность) используются в различных учениях в качестве объяснительных принципов. Это дало основание Г.П. Щедровицкому выделить натурализм и деятельностный подход в качестве основных современных методологических принципов. По его мнению, несмотря на всю имеющуюся критику натуралистический подход и натуралистическая онтология «...остаются основными в современной научной деятельности и лежат в основании почти всех современных наук, не только «естественных», но в значительной степени также гуманитарных и социальных» [Щедровицкий, 1995, с. 279]. «Грубо и схематично» описывая специфику этих подходов, он отмечал следующее: «Натуралистическая точка зрения может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что человеку *противостоят независимые от деятельности объекты природы*; как таковые они вступают в те или

иные отношения с человеком, взаимодействуют с ним, влияют на него и, благодаря этим взаимодействиям и влияниям, через них, даны человеку. ... Самоочевидным считается представление, что существует и может рассматриваться в качестве элемента мирового устройства *отдельный человек*, взаимодействующий с вещами природы. ... Деятельностная точка зрения, выступающая в качестве альтернативы натуралистической, может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что все «вещи», или «предметы», даны человеку *через деятельность*, что их определенность как «предметов» обусловлена в первую очередь характером человеческой социальной деятельности, детерминирующей как формы материальной организации мира «второй природы», так и формы человеческого сознания, что, говоря об их действительном существовании, мы должны иметь в виду прежде всего рамки и контекст человеческой социальной деятельности, ибо все то, что принято называть «вещами», «свойствами», «отношениями» и т.д., лишь временные «сгустки», создаваемые человеческой деятельностью на базе захваченного и ассимилируемого ею материала» [Щедровицкий, 1995, с. 278–279].

Интересно отметить, что некоторые авторы связывают смену объяснительных принципов человеческого мира с параллельно происходящей сменой главных источников общественного богатства. По мнению В.В. Фетискина, «разные периоды в историческом процессе обнаруживаются в том, что сначала природа, а затем производство в его непосредственной форме, а значительно позже наука (знания, информация) как производительная и социальная сила выступают в роли доминирующих источников создания общественных богатств, рост которых – основа истории и прогресса человечества. Эти же источники богатства выступают одновременно в роли совершенствующихся способов и средств, удовлетворяющих растущие потребности людей. Они явились социальным выражением перехода от более связанного с природой присваивающего хозяйства к более независимому от нее производящему хозяйству» [Фетискин, 2003, с. 16].

Деятельность как универсальная, предельная абстракция и ее сущность как объяснительного принципа. Понимание деятельности как некоего универсального, наиболее общего понятия позволяет рассматривать его в качестве исходного при построении системы категорий общественнознания. За таким понятием утверди-

лось название «предельной абстракции». Одним из первых его начал использовать советский философ М.К. Мамардашвили. Затем оно достаточно активно применялось в научном обороте. В частности, по мнению Э.Г. Юдина, «место и роль понятия деятельности определяется прежде всего тем, что оно принадлежит к разряду универсальных, предельных абстракций. Такие абстракции воплощают в себе некий «сквозной» смысл: они дают содержательное выражение одновременно и самым элементарным актам бытия, т.е. его глубочайшим основаниям, проникновение в которые делает умопостигаемой подлинную целостность мира» [Юдин, 1997, с. 249].

Провозглашение деятельности в качестве «первичной», «наиболее широкой» категории характерно для ряда российских философов. Так, по мнению А.А. Боровских и Н.Х. Розова, понятие деятельности «... действительно приобретает категориальный характер. Оно становится первичным. Оно не может быть определено по родовому принципу (нет понятий, более широких, которые можно было бы редуцировать к деятельности заданием дополнительных условий или требований). Оно не может быть определено путем редукции – как система из элементов, описываемых уже имеющимися понятиями. Оно самодостаточно, и если его приходится анализировать, дробя на части, то части тоже оказываются деятельностями» [Боровских, Розов, 2012, с. 90–102].

Идея отнесения деятельности к наиболее общим абстракциям поддерживается и зарубежными учеными. В частности, американский экономист Л. Мизес трактует ее как «конечную данность»: «Человеческая деятельность – одно из средств осуществления изменений. Она – элемент космической активности и становления. Поэтому она является законным объектом научного исследования. Так как ее невозможно (по крайней мере в современных условиях) свести к своим причинам, она должна рассматриваться как конечная данность и изучаться как таковая» [Мизес, 2005, с. 21].

Рассмотрение деятельности как предельной абстракции, наиболее общей, «конечно-данной» категории позволяет определить ее в качестве исходной в системе категорий обществознания. Такой позиции придерживается, в частности, В.В. Фетишкин: «Все, что существует в обществе, – это либо проявления, либо последствия человеческой активности. Здесь нет ничего, что прямо или косвенно не являлось бы осуществлением или продуктом той или иной формы деятельности. Следовательно, анализ общества (и человека) следует начинать с этого элементарного уровня. Поэтому выделе-

ние деятельности в качестве исходной категории социальной философии, а также вычленение и анализ трудовой, главным образом производственной деятельности как источника и основного вида всего бытия человека и общества (К. Маркс), вполне оправданны в социально-философской литературе» [Фетискин, 2011, с. 27].

Признание деятельности в качестве методологического основания и ключевого понятия гуманитарных наук особенно укрепилось в середине XX века. Тогда многие исследователи отмечали ее первостепенное значение для развития человека и общества и, соответственно, – посвященных им гуманитарных наук. «С точки зрения вечности и бесконечной Вселенной, – утверждает Л. Мизес, – человек – бесконечно малая песчинка. Но для самого человека деятельность вполне реальна. Деятельность – суть его природы и существования, средство сохранения жизни и возвышения над уровнем развития животных и растений. Несмотря на бренность и мимолетность жизни, человеческие усилия имеют первостепенное значение для человека и его науки» [Мизес, 2005, с. 21].

По мнению Э.Г. Юдина, методологическая роль деятельности в обществознании проявляется в том, что эта категория составляет основу всех отдельных гуманитарных наук: «В современном познании, особенно гуманитарном, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с его помощью дается универсальная характеристика человеческого мира. Естественно, что это понятие в той или иной форме фигурирует во всяком методологическом анализе и, в частности, без него не обходится ни одно обоснование конкретного предмета гуманитарного знания» [Юдин, 1978, с. 265–266].

Данный тезис имеет важное методологическое значение при построении различных научных дисциплин. «В том случае, когда категория деятельности выступает в качестве объяснительного принципа, она служит источником и основанием объяснения, преломляясь в специфических средствах той или иной научной дисциплины. Иными словами, благодаря своим объяснительным возможностям она оказывается предпосылкой и условием определенного предмета изучения» [Юдин, 1978, с. 304]. Следовательно, и при построении экономической науки с использованием деятельностного подхода следует отталкиваться от этой категории, а точнее – от соответствующего ее типа – экономической (хозяйственной) деятельности. Это мы и будем использовать в данной работе.

Объяснительные возможности деятельности проистекают из ее свойства, часто именуемого в литературе «универсальностью»: «Деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Поэтому деятельность рассматривается нами не только как производство вещей и идей, но и как преобразование всей предметной среды, всех социальных условий, состояний и связей человека как социального существа, причем далеко не всегда в конструктивном смысле. Человек с этой точки зрения выступает как системообразующий субъект, объект и продукт собственного творчески-преобразующего действия» [Фетискин, 2001, с. 28].

Как подчеркивает К.Г. Рожко, принцип деятельности в качестве научной методологии лишь идеально повторяет (воспроизводит) в сжатом виде ее реально существующий универсальный характер: «Принцип человеческой деятельности концентрируется в положении: все в обществе в одном из своих качеств есть или собственно деятельность, или ее функция, следствие, проявление. Иными словами, отдельное в социальной реальности прямо или косвенно участвует в субъект-объектной диалектике. Принцип деятельности лишь категориально фиксирует социальную роль человеческих действий, их влияние на исторический процесс. Методология сжато повторяет, идеально выражает сущность общества как действующей системы и человека как деятеля» [Рожко, 2009, с. 26].

Онтология деятельностного подхода. Следует отметить, что деятельностный подход просматривается уже в работах древних философов. Однако достаточно четко он представлен в немецкой классической философии. Как отмечает Э.Г. Юдин, «немецкая классическая философия переносит объяснение фундаментальных проблем бытия в надприродную сферу – в мир деятельности. Объяснительный потенциал этого понятия оказался существенно большим, чем у понятия природы: во-первых, ориентация на деятельность позволила глубже и точнее понять характер открываемых человеком законов мироздания ...; во-вторых, через понятие деятельности был отчетливо выявлен исторический и, более широко, диалектический характер совершающихся в реальности процессов ...» [Юдин, 1978, с. 286].

В наиболее полном виде деятельностный подход представлен в философских и экономических исследованиях К. Маркса. «Принцип деятельности, – подчеркивает Э.Г. Юдин, – получил дальнейшее, притом решающее развитие в философии марксизма и в его социально-экономической теории. Если в немецком идеализме объяснительная нагрузка понятия деятельности направлялась на то, чтобы раскрыть активную природу духа, то в марксизме сама деятельность становится подлинной субстанцией культуры, всего человеческого мира. Естественно, что это сопровождается серьезными сдвигами в интерпретации содержания понятия “деятельность”» [Юдин, 1978, с. 293].

Значение деятельностного подхода для философии марксизма отмечалось многими советскими философами. По их мнению, именно деятельностный подход в исследованиях стал основой материалистического понимания истории. «Деятельные люди, люди как носители деятельности, – отмечает В.П. Фофанов, – такова та познавательная призма, при помощи которой формируется теоретическая картина социальной действительности. При характеристике сущности материалистического понимания истории этот мотив звучит постоянно» [Фофанов, 1981, с. 191].

Как отмечает А.С. Бухаров, «по Марксу, мир человека, становящийся в его определенности, движении, членениях и связях предметом общественной науки, возникает и изменяется постольку, поскольку человеческие существа, развившиеся в вещественно определенной среде, вместе и во взаимодействии с ней, производят и поддерживают свое существование посредством необходимой совместной деятельности. Способы деятельности определяются свойствами и потребностями индивидуумов, их телесной организацией, природными и антропогенными условиями их жизни, собственно самим процессом деятельности, а также характером и объемом средств жизни и деятельности, которые обнаруживаются и производятся человеком в ходе этого процесса. История, по Марксу, есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека и его индивидуальное развитие, необходимо принимающее общественные формы» [Бухаров, 2002, с. 15–16].

В советской философской науке категория деятельности стала особенно популярной в 60–70-е годы XX века. Многие исследователи отводили ей тогда определяющее место в системе категорий общественнознания. По мнению Ю.К. Плетникова, «в собственном значении слова деятельность – общесоциологическая категория,

категория исторического материализма» [Плетников, 1978, с. 24]. Она рассматривалась в качестве функциональной основы общества, т.е. процесса, на базе которого это общество возникло. Это позволило рассматривать ее и в качестве методологической основы или «объяснительного» принципа общественной теории.

Многие отечественные исследователи рассматривали деятельность в качестве исходной категории общественной теории, первоосновы для развертывания системы категорий и концепций общественного (в том числе экономического) устройства и развития. «Социальная деятельность, – отмечает В.П. Фофанов, – является исходной категорией исторического материализма в своем самом абстрактном определении, когда она вводится на абстрактном уровне первоначального этапа развертывания исторического материализма. Определение социальной деятельности как субстанции социальной формы движения материи не связано с другими категориями исторического материализма. Оно вводится через более общие категории марксистско-ленинской философии» [Фофанов, 1981, с. 110].

Современная отечественная социальная философия, пришедшая на смену историческому материализму, в значительной мере воспроизводит его позиции относительно места категории деятельности в общественном знании. Как отмечает К.Г. Рожко, «... теория человеческой деятельности – это органическая часть социальной философии. Принцип человеческой деятельности представляет собой необходимое методологическое орудие по отношению к теориям философским и нефилософским (теоретическая деятельность) и руководство в практической деятельности» [Рожко, 2009, с. 134].

Э.Г. Юдин выделил следующие основные функции деятельности в процессе познания: «1) деятельность как объяснительный принцип – понятие с философско-методологическим содержанием, выражающим универсальное основание (или, в более осторожной формулировке, универсальную характеристику) человеческого мира; 2) деятельность как предмет объективного научного изучения, т.е. нечто расчленимое и воспроизводимое в теоретической картине определенной научной дисциплины в соответствии с методологическими принципами последней, со спецификой ее задач и совокупностью основных понятий; 3) деятельность как предмет управления...; 4) деятельность как предмет проектирования...; 5) деятельность как ценность, т.е. рассмотрение места, которое занимает

деятельность в различных системах культуры» [Юдин, 1997, с. 250]. Уже само перечисление этих функций говорит о центральном месте деятельности в системе категорий социальной философии.

Интересно отметить, что, по мнению некоторых исследователей, теория деятельности является одним из наиболее развитых разделов обществознания. Как подчеркивает К.Г. Рожко, «понятие и принцип деятельности одного возраста с философским и социологическим знанием, но нет полного тождества в их развитии: общий уровень знаний или отстает, или опережает учение о деятельности людей, которое живет в определенной мере самостоятельной жизнью по сравнению с другими разделами мировоззрения. Так, есть некоторые основания говорить в целом о частичном опережении деятельностным познанием общесоциологических учений: в объяснении действий человека было больше здравого смысла и догадок, чем в учениях об обществе» [Рожко, 2009, с. 10].

Ослабление влияния деятельностной методологии. Укрепление и развитие принципа деятельности в западной философии XIX века постепенно сменилось затуханием интереса. «Множественность возможных подходов к анализу деятельности и ее оснований, – отмечает Э.Г. Юдин, – привела на рубеже XIX–XX вв. к осознанию в буржуазной философии недостаточности принципа деятельности как фундамента для построения философских систем, как философско-мировоззренческого и методологического принципа. Это соединяется с утратой социального оптимизма и растущей критикой техницистского активизма, углубляющего кризис буржуазной культуры. Поэтому понятие деятельности почти повсеместно утрачивает свое центральное место (за исключением «философской антропологии», прагматизма, бихевиоризма), деятельность перестает рассматриваться как субстанция культуры и постепенно замещается другими, как правило, более широкими понятиями – жизни, жизненного мира, существования и т. д.» [Юдин, 1978, с. 287–288].

В советском обществоведении авторитет деятельностного подхода основывался на рассмотрении его в качестве неотъемлемого элемента марксистского подхода. Поэтому длительное время он оставался методологической основой ведущих гуманитарных наук: философии, социологии, психологии, антропологии. Особо важное место теория деятельности заняла в советской психологии. При этом исследования в области теории деятельности нахо-

дились в сфере пристального внимания идеологических органов. Как отмечает А.В. Сурмава, «...при Сталине научный, неидеологический марксизм был загнан в глубокое подполье. В послесталинские времена ситуация несколько смягчилась, но и тогда власти готовы были терпеть его только в обмен на полный отказ от открытого обсуждения актуальных общественно-политических тем. Так, теоретикам теперь не возбранялось порассуждать о деятельности *in abstracto*, но категорически не рекомендовалось даже близко приближаться к анализу конкретной деятельности, конкретных социально-экономических, социально-политических отношений «реального социализма». Поэтому категорию деятельности обсуждали только и исключительно в рамках психологии, да и в последней преимущественно в чисто умозрительном контексте» [Сурмава, 2015, с. 82].

Ослабление идеологического давления в 80-е годы XX века приводит и к ослаблению влияния деятельностного подхода. «Еще не так давно, – подчеркивает А.О. Коптелов, – проблематика деятельности и деятельностного подхода к разного рода философским аспектам, начиная от вопросов теории познания, методологии науки и кончая философской антропологией, была у нас весьма актуальна. Разные варианты этого подхода разрабатывались такими известными философами, как Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др. Успешно развивалась и психологическая теория деятельности, которая тоже существовала в разных вариантах. Один из них был представлен работами А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и др. (которые продолжали и развивали ряд принципиальных идей Л.С. Выготского), другой – работами С.Л. Рубинштейна и его школы. Между тем сегодня деятельностная тематика как в философии, так и в психологии утрачивает свой потенциал» [Коптелов, 2009, с. 153].

Постепенно происходит «размывание» единства деятельностного подхода. Многие его сторонники и разработчики начинают высказывать если не противоположные, то менее категоричные точки зрения касательно принципа деятельности. Как отмечает В.А. Лекторский, «...ряд известных сторонников универалистского понимания деятельности впоследствии отошел от своих первоначальных взглядов. Так, например, С.Л. Рубинштейн в последней (посмертно опубликованной) книге «Человек и Мир» пишет о том, что деятельность – это не единственный способ отношения чело-

века к миру: наряду с ней существует созерцание. Взаимоотношение Я и Другого человека становится для него центральной проблемой, которая не может быть понята с точки зрения деятельности. Поздний Г.С. Батищев стал писать о границах деятельностного подхода и о том, что наряду с субъект-объектными отношениями (деятельность) существуют субъект-субъектные отношения (общение), которые не только не могут быть сведены к первым, но являются первичными в отношении человека к миру и другим людям. Г.П. Щедровицкий стал различать деятельность, мышление и коммуникацию» [*Лекторский, Гаваи, 2015, с. 28*].

Уже с конца 80-х годов многие исследователи начинают отходить от признания универсального характера категории деятельность и ее единственности в качестве объяснительного принципа человеческого мира. «Все согласны с тем, – пишет В.С. Швырев, – что деятельность является специфически человеческой формой активности, но насколько она универсальна? Исчерпывает ли эта форма активности своеобразие человеческого отношения к миру? Следует признать тот факт, ...что в настоящее время в философской, а также психологической и социологической литературе наблюдается осторожное отношение к универсализации категории деятельности и известная «переоценка ценностей» в этом плане...» [*Швырев, 1990, с. 16–17*]. Ему вторит один из ярых в прошлом сторонников этого направления Г.С. Батищев: «Опыт истекших с тех пор двух десятилетий говорит о том, что важное содержание «диалектики деятельности», изложенное тогда, может сохранить свое значение лишь при неперемennom условии осмысления границ указанного содержания, границ категории деятельности как объяснительного принципа. ... Деятельность не есть единственно возможный, универсальный способ бытия человека, культуры, социальности, не есть единственный и всеохватывающий способ взаимосвязи человека с миром» [*Батищев, 1990, с. 24–25*]. По мнению В.Н. Сагатовского, «...сущность человека выражается в деятельности, но не сводится к ней» [*Сагатовский, 1990, с.76*].

К аналогичному выводу приходит и Э.Г. Юдин: «Из того факта, что деятельному образу важнейший фактор интеграции социальной действительности, еще не следует, что вся эта действительность непременно и во всех случаях должна сводиться к деятельности. Существует немалое количество социальных явлений, которые сохраняют с деятельностью какую-то форму фундаментальной связи (связь происхождения, развития, функционирова-

ния), но тем не менее по целому ряду своих характеристик не требуют обращения к деятельности и объяснения через это понятие. Это выдвигает проблему полноты деятельностного объяснения, т.е. того, насколько оно может быть исчерпывающим» [Юдин, 1997, с. 275].

Названный автор высказал принципиальное сомнение в возможности сведения объяснительной схемы любой науки к единственному понятию: «...полезно, вероятно, учесть и тот факт, многократно подтвержденный историей науки, что всякое объяснение, основанное на одном определенном конкретном понятии и претендовавшее на абсолютность, на исчерпывающий характер, в конечном счете обнаруживало свою неполноту и относительность. Вообще кажется сомнительным, чтобы объяснительная схема какой-то конкретной научной дисциплины могла быть целиком сведена к одному-единственному понятию, пусть даже внутренне богатому и расчлененному» [Юдин, 1997, с. 277].

В настоящее время многие исследователи отказались от понимания деятельности в качестве универсальной или исходной категории социальной философии и рассматривают ее как один из основных необходимых исходных элементов «деятельностного» подхода (чаще всего наряду с сознанием и общностью). Такая позиция формулируется, в частности, В.С. Швыревым: «...категория деятельности, означающая определенный способ отношения к действительности, представляет, по нашему мнению, не исходное понятие какой-либо теории деятельности, а основу деятельностного подхода к анализу «человеческого мира», выступает ... как отправной «объяснительный принцип» этого анализа» [Швырев, 1990, с. 20].

Невозможность использования деятельности в качестве единственной предельной категории некоторые авторы связывают с установленной необходимостью выхода для понимания ее сущности за пределы внутренней структуры деятельности. Как отмечает Э.Г. Юдин, «...принцип деятельности при его развертывании в конкретных социальных науках потребовал углубленного анализа механизмов деятельности и формирующих ее факторов. Это привело к вычленению иных компонентов, лежащих за пределами собственно деятельности, хотя и связанных с нею и влияющих на нее. Например, в социологии и психологии выявилось значение ценностных установок и ориентаций, мотивов деятельности, ожиданий, притязаний и т.д. В результате произошло существен-

ное расширение исходного принципа во всех этих науках» [Юдин, 1997, с. 265]. И далее: «Анализ диалектики структуры деятельности показывает, что если ее основанием является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере идеалов и ценностей человека. Отсюда следует, что сущность деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее внутренней структуры, не давая ей внешних определений. Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается, в той сфере, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна стать в результате деятельности» [Там же, 1997, с. 265–266].

На несводимость ценностных установок к деятельности указывает и Г.С. Батищев: «...Ценностные содержания в их безусловной значимости для субъекта отнюдь не поддаются редукции их к каким бы то ни было продуктам деятельности, ее дериватам и результатам. Ценностные измерения культуры и их источники в неисчерпаемой диалектике Вселенной, как раз и являют нам – всему человечеству, всякому возможному субъекту – ненавязчивое величие тенденций космогенеза, соратниками которого мы призваны стать» [Батищев, 1990, с. 34]. Аналогичную мысль формулирует Б.С. Брагусь: «Деятельность пусть и необходимый, но лишь один из уровней взаимодействия с миром; замкнуть в нем человека значит редуцировать, упростить его образ» [Брагусь, 1999, с. 102].

Серьезной критике подверглось применение деятельностного подхода в отечественной психологии, где он был особенно силен и детально проработан. Многие авторы отмечали различные недостатки его применения. Так, по мнению В.А. Лекторского, сформулированная А.Н. Леонтьевым «...общая схема деятельности не подходит для осмысления межсубъектных взаимоотношений» [Лекторский, Гагаи, 2015, с. 27].

Критикуя монистическую основу теории психического развития, А.О. Коптелов утверждает: «Деятельности должны предшествовать значимые контуры до-деятельных сознательных переживаний в их смысловой реальности. Таким образом, мы видим, что само требование построения теории психического развития на монистической основе внутренне противоречиво (индивидуальное и социальное), как, впрочем, и психологическая концепция деятельности в целом» [Коптелов, 2009, с. 153]. И далее: «Таким образом, мы отмечаем, что категория деятельности, которая про-

тиворечива в своей структуре и тавтологична в своем содержании значения, как объяснительного принципа, сегодня уже не задает того научного стимула, чтобы оставаться единственной в исследованиях психических процессов, всей структуры жизненной сферы человека» [Там же, с. 155].

По мнению А.В. Сурмавы «...совершенно не случайно, что психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева практически не пережила своего создателя» [Сурмава, 2015, с. 82]. При этом «заслуга А.Н. Леонтьева в возрождении теоретического интереса к категории предметно-практической деятельности не подлежит сомнению, равно как и то обстоятельство, что наименование его теоретического наследия «психологической теорией деятельности» выражает скорее намерение автора, чем свершившийся научный факт» [Там же, с. 82].

Объяснительные принципы, основанные на множественности предельных категорий. Эти концепции представляют собой альтернативы деятельностному подходу. В них деятельность и сознание не рассматриваются как части друг друга. Они трактуются в качестве основополагающих характеристик человеческого существования, которые и выделяют человека из окружающего мира. При этом некоторые исследователи считают, что данные категории не могут быть сведены друг к другу.

Существует точка зрения, по которой категории «деятельность», «сознание» и «общность» являются самостоятельными и равнозначными феноменами, взаимодействие которых и определяет человеческое существование. Так, В.И. Копалов говорит о трех основных способах проявления сущности человека, его субстанциональных характеристиках: «Характеризуя сущность человека как субъекта исторического процесса, мы в первую очередь анализируем его с точки зрения трех основных способов проявления этой сущности – деятельности, общественных отношений и общественного сознания. Это три своеобразные ипостаси, три лика, в которых проявляется единая социальная сущность человека. Они являются субстанциональными характеристиками субъекта истории, в то время как все остальные, включая способ производства и средства труда, социальные институты и социальные нормы, а также духовную культуру, оказываются производными материализованными формами, своего рода акциденциями выше-названных характеристик человека» [Копалов, 1986, с. 5].

Реанимация деятельностной парадигмы в начале XXI века. В начале XXI века отмечается возобновление интереса к деятельностному подходу. По мнению В.А. Лекторского, это связано с переходом от «технократического» понимания деятельности, в котором упор делался на способах «переделывания» природы, общества и человека, к «иному» ее пониманию: «... именно это иное понимание оказывается сегодня весьма актуальным. Это не деятельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, т.е. такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба они изменяются. ... Такой подход предполагает наличие нередуцируемого многообразия, плюрализма разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих в отношении диалога и меняющихся в результате этого. Так понятая деятельность предполагает не идеал антропоцентризма в отношениях человека и природы, а идеал коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге» [*Лекторский, 2001, с. 62*].

Понимание деятельности как «одного из главных признаков родовой сущности человека» позволило В.В. Фетискину заявить о необходимости реанимации деятельностного подхода: «Сегодня ... философская рефлексия должна быть направлена на реанимацию деятельностной парадигмы, предполагающей более глубокое постижение производительно-преобразующей сущности человека и его произведений. В понятии «деятельность» и через деятельность выявляется в самой общей форме бытие (внутреннее и внешнее) человеческое. Вне деятельностного процесса и его последствий никакой личности и ее проявлений нет и быть не может. Человек обречен воздействовать как на внешнюю, так и на свою собственную природу, и, в свою очередь, испытывать все возрастающие последствия этих воздействий и изменений. В этом состоит, повидимому, один из главных признаков его родовой сущности, критерий его предназначения в мире» [*Фетискин, 2011, с. 24–25*].

По мнению О.Е. Яцевича, теория деятельности «...выступает сегодня в качестве основы последовательного исторического подхода к научному знанию, а также основы программно-целевого метода» [*Яцевич, 2010, с. 78*]. В середине второго десятилетия

XXI века В.А. Лекторский, обсуждая с венгерским философом Л. Гараи судьбы теории деятельности, отмечает: «...я хочу подчеркнуть, что по-прежнему считаю деятельностный подход исключительно плодотворным в понимании как познания, так и психики, сознания и культуры» [*Лекторский, Гараи, 2015, с. 26–27*]. Тем не менее автор считает, что «...деятельностный подход нуждается в новом осмыслении. Сегодня мне кажется, что существуют два варианта его дальнейшего развития: либо его нужно чем-то дополнить для осмысления современных фактов в науках о человеке, либо расширить и в чем-то изменить его понимание» [*Там же, с. 26*].

И далее он формулирует совместную с соавтором позицию по вопросам о возможностях и границах деятельностного подхода и теории деятельности: «Оба мы считаем, что и подход, и конкретные теории, выработанные на его основе, с одной стороны, весьма плодотворны (и продолжают обнаруживать эту плодотворность все в новых сферах). Нам вместе с тем представляется, что сегодня существует настоятельная потребность в развитии и, возможно, дополнении тех деятельностных представлений, которые были развиты в психологии и философии в советские годы» [*Лекторский, Гараи, 2015, с. 37*].

Мы разделяем мнение о плодотворности применения деятельностного подхода и постараемся применить его в нашем исследовании.

1.2. Сущность и имманентные характеристики социальной деятельности

Формулирование общего определения человеческой деятельности требует выделения основных, характеристических свойств этого явления. В литературе встречается множество определений этой категории. Мы рассмотрим наиболее известные из них с целью выделения ее характеристических особенностей.

Сущность и общее определение социальной деятельности. Категория деятельности многими исследователями традиционно рассматривалась в качестве базисной при попытках создания универсальной философской методологии. В современной науке деятельность является объектом исследования не только философии, но и ряда конкретных наук (психологии, социологии, антро-

пологии, политологии, экологии, экономической теории, этики). Широкое использование категории деятельности породило и множество ее различных интерпретаций. Наличие достаточно большого количества представленных в литературе определений категории деятельности зачастую только затрудняет ее понимание.

К сожалению, приходится согласиться со следующим утверждением А.С. Кравца: «Несмотря на то что деятельностный подход получил чрезвычайное распространение в отечественной психологии и философии, не существует единого мнения на сущность деятельности. Стремясь к всеобщей дефиниции, деятельность определяют как способ бытия человека в мире (но чем бездействие не способ бытия?), как динамическую систему взаимодействия субъекта с миром, как способ овладения объектом, как изменение человеком мира, как проявление активности человека, как решение жизненных задач. Вообще говоря, все эти определения ... не раскрывают всей полноты феномена деятельности» [Кравец, 2008, с. 230].

На недостаточную проработанность и согласованность множественных определений понятия деятельности указывает К.Г. Рожко: «...в современной литературе до сих пор нет завершенной классификации деятельности, ясности в соотношении категории «деятельность» с понятиями поведения, общения, общественных отношений, активности, образа жизни, жизненной позиции и т.д. Понятия деятельности и человеческой деятельности имеют несколько пока что удовлетворительно не субординированных применений: философское, общенаучное, философско-социологическое, конкретно-социологическое, философско-культурологическое» [Рожко, 2009, с. 21–22].

Пионеры исследования социальной деятельности рассматривали ее как совокупность действий и потому первостепенное значение они отдавали определению действий. По мнению одного из классиков этого направления М. Вебера: «"Действием" мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами *смыслу* соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него» [Вебер, 1990б, с. 602–603].

Как видно, действие по Веберу обладает двумя качествами: 1) «смыслом», т.е. целью, которую придают ему действующие субъекты; 2) «соотнесением», т.е. взаимодействием с другими субъектами (людьми). В соответствии с таким пониманием социальной деятельностью не являются все неосмысленные (инстинктивные) действия, а также и все действия, совершаемые ради себя и не соотносимые с действиями других людей. Следует отметить, что М. Вебер придавал последней характеристике особую важность. По его мнению «не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер; социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [Вебер, 1990б, с. 625]. Таким образом, «ориентированность на поведение других» выступает главной характеристикой, на основе которой М. Вебер выделяет социальную деятельность из всех видов человеческой деятельности.

По мнению американского исследователя деятельности Л. Мизеса, «...человеческая деятельность есть целеустремленное поведение. Можно сказать иначе: деятельность есть воля, приведенная в движение и трансформированная в силу; стремление к цели; осмысленная реакция субъекта на раздражение и условие среды; сознательное приспособление человека к состоянию Вселенной, которая определяет его жизнь» [Мизес, 2005, с. 14]. Здесь зафиксированы следующие черты деятельности: 1) целеустремленность, воля, осмысленность; 2) приспособление к природе («Вселенной»). Суть первой характеристики сводится к тому, что деятельность должна быть целесообразной, т.е. осуществляться сознательным субъектом. Вторая характеристика отражает ее предметность: то, что деятельность является формой взаимодействия с природой, воздействия на природу. Человек сам является частью природы и в процессе деятельности он формирует среду своего обитания, приспособляя природу к своим потребностям.

Как видно, выше речь идет о деятельности отдельного человека. Однако далее Л. Мизес указывает на необходимость наличия сотрудничества между людьми в процессе деятельности, что позволяет ему ввести категорию социальной деятельности: «Праксиология занимается деятельностью отдельных людей. И лишь в процессе ее исследований появляется знание о человеческом сотрудничестве, а социальная деятельность трактуется как особый случай более общей категории человеческой деятельности как таковой» [Мизес, 2005, с.42].

В отечественной науке определение деятельности осуществляется по различным основаниям. Как считает К.Г. Рожко, «самым распространенным в работах современных российских авторов является подведение категорий «человеческая деятельность» под понятие активности (Л.П. Буева, Э.С. Маркарян, Ю.К. Плетников, В. Маргулис, М.С. Каган, М.В. Демин) и движения (В.П. Зинченко и М. Мунипов, Б.А. Воронович, В.А. Лекторский, С.Ф. Анисимов). Но этим не исчерпываются варианты понимания деятельности. Через взаимодействие и отношение ее определяет С.Л. Рубинштейн, адаптивно-адаптирующие (приспособительно-приспосабливающие) действия – Э.С. Маркарян, М.С. Кветной, Б.А. Воронович и Ю.К. Плетников, через функции общественной системы – Л.П. Буева, способ бытия людей – В.А. Хотякова, Э.Л. Акопов» [Рожко, 2009, с. 22].

Примерами определения деятельности через понятие движения являются формулировка А.А. Боровских и Н.Х. Розова: «Деятельность есть движение общественной формы организации материи» – вот краткая формула понимания деятельности как категории» [Боровских, Розов, 2012, с. 90–102].

В.В. Фетискин для определения деятельности сформулировал различие понятий «движение» и «активность»: «Родовыми понятиями по отношению к деятельности выступают понятия «движения» и «активности». *Движение* – это диалектическая категория, выражающая любые изменения в природе, обществе и мышлении. ... Активность – это способ существования живых систем, способ их взаимодействия друг с другом и с окружающей средой с целью поддержания и продолжения жизни. ... Активность, как атрибут живого, на разных этапах эволюции проявляется по-разному. На биологическом уровне – это жизнь. На социальном – деятельность» [Фетискин, 2011, с. 27–28]. Далее на основе этих категорий автор дает определение деятельности: «Деятельность – более целенаправленная, упорядоченная и сконцентрированная форма выражения социальной активности. Это, прежде всего, исторически определенная, сознательно-усиленная зрелая активность, способ существования социума, человека и человеческих коллективов, который заключается в специфически присущей им способности целенаправленно воздействовать на среду, друг друга и абсорбировать обратное воздействие» [Там же, с. 28].

Как мы видим, взаимосвязь категорий деятельность, сознание и общность (взаимодействие) и их роль среди осново-

полагающих характеристик человеческого существования в рамках деятельностного подхода трактуется по-разному. Оценивая глубину и правильность определений человеческой деятельности с точки зрения полноты представления в них описанных выше характеристических особенностей, можно отметить, что не во всех приводимых в литературе определениях деятельности четко формулируется данное триединство. Многие исследователи те или иные парные сочетания этих характеристик рассматривают в качестве исчерпывающих для ее определения. Для иллюстрации приведем следующие определения деятельности:

– «активное взаимодействие живого существа с окружающим миром, в ходе которого оно целенаправленно воздействует на объект и за счет этого удовлетворяет свои потребности» [Эл. *ист. инф.*: http://mirslovarei.com/content_psi/Dejatel-nost-490.html];

– «целесообразное изменение и преобразование окружающего мира человеком» [Эл. *ист. инф.*: <http://philbook.ru/content/241916/>];

– «специфически человеческий способ отношений к миру, процесс творческого преобразования действительности, в котором человек выступает как субъект деятельности, а осваиваемые им явления мира – как ее объекты» [Эл. *ист. инф.*: <http://philbook.ru/content241855/>];

– «один из важнейших атрибутов бытия человека, связанный с целенаправленным изменением внешнего мира, самого человека» [Эл. *ист. инф.*: А.И. Лойко, http://mirslovarei.com/content_fil/DEJATELNOST-13279.html];

– «специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающаяся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания» [Эл. *ист. инф.*: http://mirslovarei.com/content_soc/DEJATELNOST-1381.html];

– «одно из фундаментальных понятий классической философской традиции, фиксирующее в своем содержании акт столкновения целеполагающей свободной воли субъекта, с одной стороны, и объективных закономерностей бытия – с другой» [Эл. *ист. инф.*: М.А. Можейко, В.А. Можейко // http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo-216.htm?text=];

– «способ отношения человека к внешнему миру, состоящий в преобразовании и подчинении последнего человеческим целям» [Эл. *ист. инф.*: <http://slovari.yandex.ru/dict/bezopasnost/article/bez/bez-0181.htm?text=>];

– «способ воспроизводства социальных процессов, самореализации человека, его связей с окружающим миром» [Эл. ист. инф.: В.Е. Кемеров, <http://philbook.ru/content241727/>].

Российский философ Э.Г. Юдин предлагает принять в качестве исходного следующее определение: «...деятельность есть специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [Юдин, 1997, с. 246–247].

Многозначность трактовки категории деятельности на настоящем уровне развития науки, конечно, затрудняет исследования, но не может быть причиной их прекращения. По мнению В.П. Фофанова, сложность феномена деятельности делает пока невозможным сведение деятельности к единственному определению. И потому необходимо использовать разные понятия по мере углубления в предмет исследования: «Конкретное общее понимание социальной деятельности складывается только через многообразие ее определений как результат введения целого ряда категорий, развертывающих исходное понятие. Ответ на вопрос, что такое социальная деятельность, не может быть сведен ни к одной из дефиниций. Это вовсе не означает какого-то отказа от дефиниций: важно только помнить, что в процессе восхождения от абстрактного к конкретному таких дефиниций используется немало и каждая из них имеет свои пределы применения» [Фофанов, 1981, с. 156].

Основные характеристики, признаки и свойства деятельности. Исследователи выделяют большое количество различных характеристик (признаков, свойств) деятельности. По мнению К.Г. Рожко, «если выбрать наиболее ценное в прежних подходах к человеческой деятельности и выделить ее признаки, то получится следующий перечень: произвольная, контролируемая сознанием, целесообразная, направленная, предметная, продуцирующая, самопроизвольная, самодетельная, нацеленная на самосохранение, благо и счастье, результат многих факторов, целостная» [Рожко, 2009, с. 9]. Для целей нашего исследования достаточно выбрать наиболее важные из них, которые имеют имманентный (внутренне присущий характер).

По мнению Ю.К. Плетникова, «...деятельность характеризуется такими признаками, как продуктивность, социальность, сознательное целеполагание, и представляет собой в качестве соци-

ального феномена способ производства и воспроизводства социальной действительности, включая производство и воспроизводство общественных отношений» [Плетников, 1978, с. 24–25]. Как видим, здесь продуктивность, сознательность, социальность рассматриваются в качестве признаков деятельности.

Существует и другая точка зрения, в соответствии с которой категории деятельность, сознание и общность являются самостоятельными и равнозначными характеристиками, взаимодействие которых и определяет человеческое существование. Как отмечает В.И. Слободчиков, «можно утверждать, что эти три категории – общность, сознание и деятельность – являются предельными, не выводимыми ни из каких других; они являются всеобщими способами бытия человека, способами его жизнедеятельности, задающими и весь универсум собственно человеческих характеристик этого бытия (в том числе – и его собственно психологических характеристик). Важно специально подчеркнуть, что все три основания взаимно полагают друг друга, здесь – во всем; они одновременно являются и следствиями, и предпосылками друг друга, сохраняя при этом свою сугубую специфику» [Слободчиков, 2001, с. 51].

Мы будем придерживаться первого подхода и говорить об имманентных признаках деятельности. В различных работах эти признаки зачастую именуется как *предметность*, *совместность* (коллективность, общность) и *сознательный* характер деятельности. Далее мы будем придерживаться этих наименований и перейдем к их более детальному рассмотрению.

Предметность деятельности. Предметность деятельности, т.е. ее нацеленность на преобразование тех или иных объектов природы (предметов) рассматривается многими исследователями деятельности в качестве важнейшего атрибута действительности (бытия). Так, по мнению Г.С. Батищева, деятельность «...образует единственно возможный способ бытия социальной действительности, всей материально-духовной культуры человечества» [Батищев, 1967, с. 22]. Впоследствии данный автор отмечает, что она есть «... общепризнанно первейшая категория культурно-исторической диалектики К. Маркса» [Батищев, 1997, с. 66]. Выдающийся советский психолог А.Н. Леонтьев подчеркивает: «Основной, или, как иногда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности является ее предметность» [Леонтьев, 1975, с. 33].

Уже в своих ранних работах К. Маркс, отталкиваясь от факта «телесности» человека сформулировал принцип его «предметной сущности»: «То, что человек есть *телесное*, обладающее природными силами, живое, действительное, чувственное, предметное существо, означает, что предметом своей сущности, своего проявления жизни он и имеет *действительные, чувственные предметы*, или что он может *проявить* свою жизнь только на действительных, чувственных предметах. *Быть* предметным, природным, чувственным – это все равно, что иметь вне себя предмет, природу, чувство или быть самому предметом, природой, чувством для какого-нибудь третьего существа» [Маркс и Энгельс, 1974, с. 163]. Телесность человека предполагает, что проявляться его жизнь может лишь посредством «действительных, чувственных предметов» или становления его самого в качестве таковых предметов.

Предметность человека предполагает, что и его деятельность необходимо приобретает предметный характер. Данное утверждение К. Маркс формулирует так: «Предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении. Оно только потому творит или полагает предметы, что само оно полагается предметами и что оно с самого начала есть *природа*. Таким образом, дело обстоит не так, что оно в акте полагания переходит от своей «чистой деятельности» к *творению предмета*, а так, что его *предметный* продукт только подтверждает его *предметную* деятельность, его деятельность как деятельность предметного природного существа» [Маркс и Энгельс, 1974, С. 162].

Установление предметного характера человеческой деятельности позволило далее К. Марксу рассматривать ее в качестве основы обществознания. Статус «первейшей категории» диалектики К. Маркса связан с его трактовкой определяющей роли практики: «Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [Маркс и Энгельс, 1955, с. 3].

По этой причине главным недостатком «предшествующего материализма» К. Маркс считает его неспособность поставить в центр анализа не просто созерцание объекта (действительности), а «человеческую чувственную деятельность, практику»: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действи-

тельность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. ... Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самую человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность» [Маркс и Энгельс, 1955, с. 1]. Переход к исследованию предметной деятельности позволяет, по мнению Маркса, преодолеть данный недостаток.

Идея рассмотрения «самую человеческую деятельность» как предметную деятельность нашла широкое распространение в советской философии. Тезис о предметности как имманентном свойстве деятельности формулировался многими авторами. Приведем в качестве примера высказывания советского философа Г.С. Батищева, посвятившего ряд работ исследованию предметной деятельности: «Деятельность без своих условий и своего предметного содержания – пустая «активность» – вообще не есть деятельность: непредметная деятельность невозможна, точно так же, как невозможно движение без того, что движется» [Батищев, 1967, с. 28]; «Человеческая деятельность предметна. Предметность есть всеобщий и, если не останавливаться на опосредствующих звеньях, единственный первоисточник творческой силы человеческого деяния – той подлинной силы, которая созидает исторически бесценное и непреходящее. Предметность наполняет собой деятельность и образует *первейшее* ее собственное определение» [Батищев, 1969, с. 81]. По мнению А.Н. Леонтьева, «выражение «беспредметная деятельность» лишено всякого смысла. Деятельность может казаться беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета» [Леонтьев, 1975, с. 33].

Г.С. Батищев, видел причину возникновения предметной деятельности в необходимости освоения предметов материального мира: «Присущая предметной деятельности активность происходит и развивается не из собственной «видовой» специфики организма как конечной вещи, а из освоения каждого из предметов такими, каковы они в себе, каковы их меры и сущности. Только благодаря предметности она позволяет человеку вырваться из непосредственной рабской зависимости от состояний своего организма и из плена его специфической организации. С этой точки зрения, всякая «непредметная активность» есть как раз прямая противоположность той действительной, предметной и содержа-

тельной активности, которая конституируется лишь путем преодоления преднайденной вещной ограниченности, путем ее снятия. Человеческая деятельность настолько активна, насколько она развита как предметная, насколько она обогащена предметностью» [Батищев, 1969, с. 82–83]. На наш взгляд, высказанные здесь мысли перекликаются с идеями предметной сущности человека у К. Маркса. Интересен также и тезис о том, что «активность» деятельности может быть оценена ее «предметностью».

В работах советских и российских философов можно встретить выделение различных специфических граней предметной деятельности. Так, В.С. Библер обращает внимание на закрепление деятельности в орудиях труда: «Человеческая деятельность *предметна* не только в том смысле, что она в предметах протекает, на предмет направлена, и даже не только в том исходном смысле, что сама жизнедеятельность выступает предметом деятельности. Эта деятельность предметна и потому, что она (как деятельность, как процесс деятельности) воплощается и закрепляется в неких особых предметах – средствах (или уже – *орудиях...*) труда. Орудие – это и есть застывшая или оживляемая живым трудом, но не совпадающая с ним деятельность, отношение субъект – предмет. Вот что такое орудие» [Библер, 1993, с. 34].

Г.С. Батищев обращает внимание на то, что в качестве объекта предметной деятельности выступает и сам человек, что позволяет характеризовать ее как самодеятельность: «Наконец, восходя к наиболее глубокому смысловому элементу предметной деятельности – к тому, что она есть процесс, в котором субъект, изменяя и преобразуя объективные обстоятельства, посредством всего этого совершает также и самоизменение, – мы получаем определение предметной деятельности как самодеятельности, как работы, устремленной к бесконечному становлению и к “выработыванию внутреннего человека”» [Батищев, 1997, с. 66].

Широко использовали категорию предметной деятельности советские философы (Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др.) и психологи (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, С.Л. Рубинштейн). А.Н. Леонтьев считается создателем «психологической теории деятельности». Одной из его идей является разделение предмета деятельности: «...предмет деятельности выступает двойко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ

предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [Леонтьев, 1975, с. 34].

Значение категории предметной деятельности для советской психологии определил Э.Г. Юдин: «Какую же, конкретно, объяснительную роль выполнило в этой психологической школе понятие предметной деятельности? Помимо того, что оно позволило рассмотреть психику как функциональный «орган» деятельности, это понятие открыло путь к объяснению происхождения и развития психики: эти два процесса предстали как прямой продукт и результат развития предметной деятельности. Вывод этот, непосредственно почерпнутый из деятельностной схемы объяснения, гораздо более радикален, чем это может показаться на первый взгляд» [Юдин, 1978, с. 297].

На наш взгляд, выделение предметности в качестве имманентного свойства деятельности не означает сведения деятельности только к материальной практике и провозглашение полной зависимости от нее идеальной составляющей. В действительности деятельность представляет собой диалектическое единство материальной и идеальной компонент, которые постоянно опосредуют друг друга, и в разных ситуациях каждая из них может исполнять ведущую роль.

Следует, однако, признать, что проблема опосредования материального и идеального в процессе деятельности весьма далека от своего разрешения и зачастую, в особенности в советском общественном сознании, подавляющее значение имела трактовка абсолютного одностороннего превалирования материальной составляющей деятельности. Как отмечает А.С. Кравец, «...на отечественную версию деятельности наложила свой отпечаток упрощенная интерпретация марксистского наследия, согласно которой основу жизнедеятельности людей составляет материальная практика (материальное производство), а все идеи (т.е. смыслы) всегда вторичны, являясь лишь следствием производства вещей. Отсюда приходили к упрощенному детерминизму: производство вещей обуславливает производство идей, первичны вещи, вторичны идеи (смыслы). В этом плане весьма ценным оказалось прочтение наследия Маркса нашим философом М.К. Мамардашвили, который резко выступил против сведения Марксовой теории социума к бинарным позициям. С точки зрения Мамардашвили, социум (т.е. общественная жизнь), по Марксу, является сложной системой,

клубком социальных связей, в котором идеальное и материальное постоянно опосредуют друг друга» [Кравец, 2008, с. 233–234].

Абсолютизация превалирования предметной составляющей деятельности является одним из многочисленных примеров примитивизации и, соответственно, извращения марксистской теории. Упрощенные, доведенные до примитивного состояния теоретические схемы и концепции К. Маркса, выдавались за квинтэссенцию его теории, но не могли быть эффективно использованы ни для объяснения действительности, ни в практике. Фактически они способствовали дискредитации марксизма.

Последнее имело место и в процессе применения концепции предметной деятельности. Как подчеркивает А.С. Кравец, «логическим следствием упрощенного социального детерминизма явилось сведение многогранной общественной деятельности лишь к предметной (материальной) практике. Предмет как материальная вещь лег в основу упрощенной парадигмы в понимании социальной деятельности, в которой смыслы (в качестве чего-то вторичного) выводились на периферию общественной жизни» [Кравец, 2008, с. 234].

Сознательный характер деятельности. Второе отмеченное нами свойство – сознательный характер человеческой деятельности. Важнейшим качеством носителей деятельности – людей, выделяющим их из животного мира, является сознание. Его мы определяем как способность человеческого мозга отражать окружающую действительность в виде идеальных образов и различным образом ментально преобразовывать и анализировать их. Человек обладает способностью предварительно многократно мысленно, абстрактно осуществлять различные действия, как бы моделировать их, оценивать их эффективность и производить впоследствии реальные действия с учетом этого ментального анализа. Сознание позволяет постоянно совершенствовать, рационализировать деятельность. Оно существенно увеличивает эффективность человеческой активности по сравнению с активностью представителей животного мира и превращает ее в деятельность.

Сознание выступает предметом изучения в различных науках, и сущность его представлена в различных определениях. Тем не менее, по мнению Л. Мизеса, «...мы не знаем, *что* такое разум, точно так же как мы не знаем, *что* такое движение, жизнь, электричество. Разум – просто слово для обозначения неизвестного

фактора, который позволил людям создать все ими совершенное: теории и стихи, храмы и симфонии, автомобили и самолеты» [Мизес, 2005, с. 134]. Для нашей работы достаточно понимать содержание сознания как «... оперирование человеком отраженными и фиксируемыми в языке объективными свойствами вещей. При этом они отражаются и фиксируются в двух основных формах: в форме чувственных образов и в форме понятий...» [Арлычев, 2005, с. 116]. В обществознании сознание обеспечивает человека представлениями по поводу сложившихся общественных условий. Как отмечает Н.В. Половинкина, «при политэкономическом подходе сознание рассматривается, прежде всего, как отражение в духовной жизни людей интересов и представлений других людей, социальных групп и общества в целом» [Половинкина, 2012, с. 212].

Важное значение для обществознания имеет установление типа соответствия между феноменами деятельности и сознания. В отечественной литературе зачастую эти типы соответствия сознания характеризуется такими категориями, как момент, условие, основание, сторона человеческой деятельности. Как считает В.П. Фофанов, «сознание есть момент социальной деятельности. Вне, помимо социальной деятельности сознание не существует» [Фофанов, 1981, с. 115]. По мнению Э.Г. Юдина, сознание является «одним из главных условий и оснований» деятельности [Юдин, 1997, с. 247]. А.Н. Арлычев характеризует сознание как «идеальную сторону человеческой деятельности», «сущностный атрибут, лежащий в ее основе» [Арлычев, 2005, с. 116, 54].

Более понятной является позиция, в соответствии с которой сознание воспринимается как часть, компонент деятельности. Так, по мнению Э.Г. Юдина, «сознание играет в деятельности двойную роль: с одной стороны, оно выступает в качестве ее внутреннего компонента, средства контроля за ходом деятельности; с другой стороны, сфера сознания выступает как внешняя по отношению к деятельности, как источник формирования представлений о ее целях, смысле и оценке» [Юдин, 1997, с. 247]. Как считает А.Н. Арлычев, сознание «непосредственно образует внутреннюю составную часть самого процесса деятельности» [Арлычев, 2005, с. 60]. «Человеческая деятельность, таким образом, в отличие от поведения животных является двусторонним процессом, включающим, с одной стороны, процесс производства информационной модели (идеальной цели), а с другой – процесс

преобразования материального объекта или явления, основанного на этой модели (реализация идеальной цели в практических действиях)» [Там же, с. 61].

Важное методологическое значение имеет понимание деятельности как объяснительного принципа, источника сознания. Наиболее широкое применение этот принцип нашел в философии и психологии. Как отмечает один из разработчиков этого подхода в психологии А.Н. Леонтьев, «анализ деятельности и составляет решающий пункт и главный метод научного познания психического отражения, сознания. В изучении форм общественного сознания – это анализ бытия общества, свойственных ему способов производства и системы общественных отношений; в изучении индивидуальной психики – это анализ деятельности индивидов в данных общественных условиях и конкретных обстоятельствах, которые выпадают на долю каждого из них» [Леонтьев, 1975, с. 9].

По мнению А.Н. Арлычева, объяснительные возможности деятельности распространяются не только на сознание, но и на все социальные явления: «Основополагающим понятием, выражающим в общем виде социальную сущность этого способа существования, является понятие «человеческая деятельность». С человеческой деятельностью так или иначе связаны все проявления социальной жизни, и потому данное понятие выступает в качестве общего объяснительного принципа для познания любого социального явления, в том числе и для такого феноменального явления, каковым является сознание» [Арлычев, 2005, с. 54].

Идея о том, что сознание является продуктом материальной деятельности, была в свое время четко сформулирована К. Марксом: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т.д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание ... никогда не может быть чем-либо иным, как осознан-

ным бытием ..., а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [Маркс и Энгельс, 1966, с. 29].

И далее: «Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [Маркс и Энгельс, 1966, с. 29–30].

Трактовку деятельности как основы формирования общества разделяют многие исследователи. В частности, Т. Парсонс говорит об универсальности «схем действия» (деятельности) для человеческих существ, в том числе и для их «схем мышления»: «Появление способа мышления в терминах системы действия столь древне и покрыто таким мраком неизвестности, что бесполезно пытаться отыскать ее начало. Достаточно указать на то, что, подобно схеме классической физики, схема действия своими корнями уходит в глубину повседневного опыта обыденной жизни, и с позиции всеобщности этого опыта ее можно считать универсальной для всех человеческих существ. В доказательство этого положения можно сослаться на тот факт, что основные элементы этой схемы имеются в структуре всех языков. Например, во всех языках существует глагол, соответствующий русскому “делать”» [Ларсонс, 2000, с. 104].

Сформулированный К. Марксом деятельностный подход объяснения происхождения сознания нашел широкое применение в советской психологии и привел к формированию так называемой «психологической теории деятельности», которая существовала в двух основных вариантах. Один из них был представлен работами А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и др. Они развивали ряд принципиальных идей Л.С. Выготского. Другой вариант – работами С.Л. Рубинштейна и его последователями.

Как отмечал А.Н. Леонтьев, «исходное положение марксизма о сознании состоит в том, что оно представляет собой качественно особую форму психики. Хотя сознание и имеет свою длительную предысторию в эволюции животного мира, впервые оно возникает у человека в процессе становления труда и общественных отношений. Сознание с самого начала есть общественный продукт... Марксистское положение о необходимости и о реальной функции сознания полностью исключает возможность рассматривать в психологии явления сознания лишь как эпифеномены, сопровождающие мозговые процессы и ту деятельность, которую они реализуют» [Леонтьев, 1975, с. 10–11]. Автор, вслед за К. Марксом, утверждает: «...сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно производится» [Там же, 1975, с. 39]. В соответствии с этим и «главная проблема заключается в том, чтобы понять сознание как субъективный продукт, как преобразованную форму проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире» [Там же, с. 51]. Таким образом, развернув последнюю мысль, мы получим следующую формулу: предметная деятельность формирует общественные отношения, преобразованной формой (продуктом) которых является сознание. Налицо монистический подход: сведение феномена сознания к феномену деятельности.

На наш взгляд, необходимо также учитывать привносимый А.Н. Леонтьевым исторический аспект в процесс взаимодействия деятельности и сознания. По его мнению, «... указанные условия и отношения, порождающие человеческое сознание, характеризуют его лишь на самых ранних этапах. Впоследствии в связи с развитием материального производства и общения, выделением, а потом и обособлением духовного производства и происходящей технизации языка, сознание людей освобождается от прямой связи с их непосредственно-практической трудовой деятельностью. Круг сознаваемого все более расширяется, так что сознание становится у человека универсальной, хотя и не единственной, формой психического отражения. Оно претерпевает при этом ряд радикальных изменений» [Леонтьев, 1975, с. 52]. Таким образом, по мере дифференциации и обособления духовного производства происходит и обособление, освобождение сознания от непосредственной предметной деятельности и превращение его в относительно самостоятельный феномен человеческой личности. Зачас-

тую эта особенность психологической теории деятельности не принимается во внимание, и концепция А.Н. Леонтьева трактуется и критикуется как примитивно-материалистическая.

Справедливости ради следует отметить, что в последние десятилетия в психологии появились концепции, альтернативные монистическому подходу. В качестве примера приведем мнение В.Б. Коренберга: «...сознание не может быть порождено деятельностью: уж более логично утверждать, что сознание порождает деятельность. Потому что только при наличии достаточно развитого сознания может сформироваться мотивация, без которой, по определению, не может быть деятельности. Деятельность может лишь влиять на развитие уже сформированного до достаточного уровня сознания. Без признания перехода от сознания (пусть протосознания) животных к сознанию человека, от протосознания ребенка через его протодеятельность к сознанию и деятельности взрослого, вопрос о возникновении сознания человека вряд ли разрешим» [Коренберг, 2011, с. 214].

Сознательность деятельности формирует некоторые ее важные свойства.

Во-первых, деятельность приобретает целесообразный (целенаправленный) характер. Можно утверждать, что установление этого характера и формирование сознательности деятельности осуществляются одновременно. Осознание цели означает появление сознания. Как считает Э.Г. Юдин, «целесообразный характер деятельности приводит к тому, что одним из главнейших ее условий и оснований является сознание, понимаемое в самом широком смысле – не только как совокупность самых различных форм сознания, но и как множество его внутренних регулятивов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т.д.)» [Юдин, 1997, с. 247]. Как видно, целесообразность деятельности означает появление сознания. С другой стороны, по мнению А.Н. Арлычева, «... необходимым условием человеческой деятельности является целенаправленность преобразовательного процесса, т.е. процесс возможен при наличии заданной человеком цели и осуществляемый в соответствии с этой целью. Целенаправленность свидетельствует также о том, что одним из основополагающих оснований протекания деятельного процесса является сознание» [Арлычев, 2005, с. 60]. Как видно, и здесь целенаправленность (целесообразность) свидетельствует (выступает признаком) наличия сознания.

Во-вторых, сознательная деятельность «ценностно ориентирована». В структуре сознательной личности важное место занимают ценностные ориентации, в том числе мораль и нравственность. Как отмечает Н.В. Половинкина, «высшая форма сознательной деятельности включает аксиологический аспект, в котором выражается ориентация сознания на нравственные ценности. Сознательность предполагает, что нравственные нормы, войдя в систему убеждений человека, реализуются с ясным и отчетливым пониманием конечных целей и возможных последствий действий» [Половинкина, 2012, с. 212].

В-третьих, сознательная деятельность обладает признаком рациональности. Сознательный субъект деятельности, обладая способностью абстрактного моделирования этого процесса, стремится найти наиболее эффективные пути его осуществления.

Коллективный (совместный, общностный) характер человеческой деятельности. Третье имманентное свойство деятельности – коллективность – означает, что она осуществляется группами (коллективами) людей, т.е. преобразование природы требует взаимодействия людей друг с другом. Следовательно, для осуществления деятельности люди должны быть способными объединяться в устойчивые группы (сообщества). Механизмы, средства, способы объединения отдельных индивидов в сообщества различного рода и общества являются необходимыми условиями осуществления деятельности и вырабатываются по мере формирования и развития социума. При этом они играют определяющую роль в формировании жизнедеятельности. Как подчеркивает Э. Дюркгейм, причины (свойства) социальной жизни «...следует искать главным образом в способе, которым сгруппированы ассоциированные индивиды» [Дюркгейм, 1995, с. 203].

Социальная деятельность понимается как взаимодействие субъектов. Именно взаимодействия и формируют социум. Как отмечает П. Сорокин: «Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов. Под «взаимодействием» понимается любое событие, с помощью которого один человек полуосязаемым путем влияет на открытые действия или состояние ума другого. В отсутствии такого влияния (одностороннего или взаимного) невозможно никакое социокультурное явление. Миллион полностью изолированных людей не представляет собой социального

явления или общества, поскольку они не влияют друг на друга» [Сорокин, 1992, с. 191–192].

А.М. Кривуля определяет взаимодействие как процесс обмена различными факторами между агентами деятельности: «Поскольку деятельность в обществе социальна не только по своей природе, но и по способу протекания, т.е. является кооперированной, то понятием, выражающим связь отдельных действий индивидов в одну общую деятельность, нередко выступает «взаимодействие». «Социальное взаимодействие, – как верно отмечают авторы одной из работ, – правомерно рассматривать как конкретный механизм, превращающий индивидуальную деятельность в общественную». В содержательном отношении взаимодействие представляет собой обмен между людьми веществом, энергией, информацией и др. Если индивидуальная деятельность носит непосредственно общественный характер, то взаимодействие индивидов приобретает вид обмена деятельностью» [Кривуля, 1988, с. 90].

Понимание обмена деятельностью как формы взаимодействия индивидов в процессе деятельности нашло широкое распространение в литературе. Так, по мнению болгарского философа Л.Н. Николова, «конкретный субъект может быть включен в деятельность другого субъекта как ее «предмет» или как носитель предназначения ее результатов. Кроме того, два субъекта могут быть соисполнителями деятельности. Во всех этих случаях, когда два или более субъектов включены в одну и ту же деятельность, она приобретает характер *взаимодействия* людей. Любое взаимодействие людей осуществляется как *обмен их индивидуальных деятельностей*» [Николов, 1984, с. 118].

Поскольку имманентное свойство деятельности – взаимодействие людей – представляет собой обмен деятельностью, постольку и этот последний (обмен) также является внутренне необходимым условием деятельности. Эту мысль также четко сформулировал Л.Н. Николов: «Социальная деятельность или социальные отношения не существуют вне обмена деятельностью между людьми» [Николов, с. 124].

При этом именно обмен деятельностью является источником развития как отдельных субъектов, так и всей системы деятельности в целом. По мнению В.П. Фофанова, «основное содержание социального взаимодействия составляет обмен деятельностью между субъектами, имеющий многократно опосредованный характер. Взаимный обмен деятельностью постоянно изменяет

субъектов, а тем самым и систему в целом. Именно обмен деятельностью между субъектами является источником ее постоянного обновления» [Фофанов, 1981, с. 148–149].

Определение взаимодействия субъектов как обмена деятельностью между ними позволило вышеназванному автору сформулировать соображения по поводу соотнесения категорий «деятельность» и «взаимодействие», а именно: первичности «взаимодействия» по отношению к «деятельности»: «... существуют не сами по себе субъекты – носители живой деятельности: существует *единый* и в то же время внутренне различный *процесс живой деятельности*, моментами которого они являются. *Целостно именно взаимодействие двух субъектов*, что и требует рассматривать их деятельность как *соотносительную*. Деятельность каждого из них не может быть понята вне взаимодействия, которым непосредственно определяется» [Фофанов, 1981, с. 162–163]. И далее: «Именно взаимодействие субъектов является *исходным* представлением, а понятие деятельности субъектов вводится как средство для фиксации противоречивых составляющих этого взаимодействия, ибо характер деятельности каждого определяется всей системой в целом и непосредственно взаимодействием» [Там же, с. 178].

Взаимодействие индивидов может возникнуть только при наличии определенного механизма вовлечения их в совместную, взаимную деятельность. Тезис о первичности взаимодействия индивидов по отношению к их деятельности можно трактовать как тезис о первичности механизмов вовлечения субъектов в совместную деятельность по отношению к механизмам преобразования людьми природной среды. Как отмечает Л.Н. Николов, «деятельность, как свойственный только человеку особенный способ существования, появляется, однако, не в результате саморазвития отношений между отдельным индивидом и природной средой, а в силу развития отношений между человеческими индивидами в рамках совместного их взаимодействия с природной средой» [Николов, 1984, с. 19].

Уяснение необходимости взаимодействия индивидов в процессе деятельности другими словами можно определить как имманентность коллективного (совместного, кооперативного) характера деятельности. Именно такая формулировка данного свойства зачастую используется в литературе. Следует подчеркнуть, что при сопоставлении его с другими имманентными свойствами деятельности (предметностью и сознательностью) исследователи зачастую отводят ему главную роль. Так, еще классик социологии

Э. Дюркгейм подчеркивал: «... как бы далеко мы ни заглядывали в глубь истории, факт ассоциации окажется наиболее обязательным из всех, так как он источник всех других обязательств» [Дюркгейм, 1995, с. 120]. Краткую формулу использует В.В. Фетискин: «Человеческая жизнедеятельность изначально коллективна» [Фетискин, 2003, с. 17]. Г.С. Батищев видит существенные силы деятельности в ее «междусубъектности»: «Деятельность – в отличие от объектно-вещной активности как своей превратной формы – *начинается не с вещи, а с других субъектов*, и столь же непременно *завершается не в вещи самой по себе, а в судьбах других субъектов*, которым адресуется она также и своим определенным бытием. Другими словами, проступает то, что деятельность в ее существенных силах *междусубъектна*. А это приводит нас к общественным отношениям» [Батищев, 1997, с. 68].

Э.В. Сайко утверждает, что на формирование человека оказали влияние не просто орудия труда, а то, что их использование привело к формированию «системообразующих структур системной целостности»: «В настоящее время во все большей степени утверждается идея, что не просто использование орудий труда..., но в большей степени возникновение (вместо стадных связей) *отношений* (взаимодействия) между особями сыграло важнейшую роль в формировании системообразующих структур *системной целостности – Человека*» [Сайко, 2012, с. 10].

На «производность, вторичность» сознания как свойства деятельности по сравнению с ее коллективностью указывает В.П. Первалов: «Сознание, разумность – яркая, прежде всего бросающаяся в глаза при сопоставлении человека с природой черта его деятельности, черта необходимая для полноценного существования людей и особенно их развития, но все же производная, вторичная» [Первалов, 1989, с. 47].

Имманентность коллективного характера означает, что деятельность (действия) отдельного индивида всегда подчинены, включены, зависят от общей системы деятельности. Можно сказать, что здесь возобладают холистические принципы (примат общества над индивидом). Приведем некоторые высказывания. Так, А.Н. Леонтьев подчеркивает, что вне системы отношений общества нет и никакой деятельности: «При всем своем своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включенную в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует»

[Леонтьев, 1975, с. 33]. По мнению В.С. Лазарева, совместная деятельность появляется раньше индивидуальной, последняя вырастает из первой: «Индивидуальная деятельность может существовать лишь как единичная форма родовой деятельности. Вырасти она может только из совместной деятельности. В процессе генезиса человеческой психики совместная деятельность появляется раньше, чем индивидуальная. Иначе невозможно понять, как последняя возникает» [Лазарев, 2001, с. 37]. По мнению В.П. Первалова, именно в принадлежности, вхождении в систему связей (общественных отношений) состоит специфика человеческих действий: «Специфика человеческого в материальных действиях этих индивидов определяется тем, что они представляют собой звено, силовую единицу системы связей, присущих только им, т.е. системы именно общественных отношений, а не общения, свойственного и животным» [Первалов, 1989, с. 47].

Важным представляется вопрос о причинах коллективности деятельности. Примером достаточно примитивного, зоологического подхода является логика Н. Смелзера: «Не вдаваясь в подробности, ограничимся лишь упоминанием того, что для многих видов обезьян (речь идет о самых высокоорганизованных приматах), а также людей, характерно стремление жить группами. Фактически группа является основным фактором, способствующим выживанию. Благодаря разделению ролей (наблюдателя, руководителя, защитника группы и др.) члены группы могут добывать пищу и защищаться от врагов более эффективно, чем действуя в одиночку» [Смелзер, 1994, с. 154].

Более развернутый и глубокий ответ на этот вопрос дает Ю. Князев: «Почему в человеке наряду с его бесспорным индивидуализмом утверждается коллективистское начало? Дело в том, что человек не в состоянии жить отдельно от общества и быть полностью независимым от него не только из-за необходимости естественного выживания, которая даже зверей стонет в стаи, но и вследствие самой человеческой сущности, формирующейся в процессе общения друг с другом и выражающейся в единстве трех основополагающих личностных характеристик человека – разума, чувств и воли. Ни одна из этих составляющих личности не может возникнуть и утвердиться без постоянного общения и взаимодействия с другими людьми, без жизни в коллективе, будь то семья, узкий круг родственников или знакомых, какой-то другой социум или общество в целом» [Князев, 2013, с. 136].

1.3. Система социальной деятельности, ее структура и социальные отношения как необходимый элемент

Системный подход в изучении деятельности. Дальнейший анализ человеческой социальной деятельности предполагает ее представление в качестве системы. Как известно, система – это совокупность взаимосвязанных элементов. Системный анализ деятельности требует изучения ее структуры, т.е. выделения входящих в нее элементов и описания принципов их взаимодействия.

Системный подход был положен в основу изучения деятельности многими исследователями. В частности, Г.П. Щедровицкий отмечает, что деятельность «...оказывается системой с многочисленными и весьма разнообразными функциональными и материальными компонентами и связями между ними. Каждый из этих компонентов имеет свое относительно самостоятельное «движение» и связан с другими компонентами того же типа: люди с людьми, машины с машинами, знаки со знаками. Вместе с тем каждый компонент связан с компонентами других типов, и в связи друг с другом они образуют множество структур разного вида и сорта. Таким образом, *система человеческой социальной деятельности* оказывается полиструктурой, т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них в свою очередь состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом» [Щедровицкий, 1995, с. 242].

Формулирование структуры деятельности, выделение ее компонентов и связей между ними является методологической основой углубленного изучения этого явления и могут применяться для исследования видов деятельности, в том числе и хозяйствования. «Введенные таким образом категории *системы и полиструктуры* определяют методы изучения как деятельности вообще, так и любых конкретных видов деятельности. В частности, в зависимости от целей и задач исследования мы можем выделять в деятельности в качестве относительно целостных и самостоятельных объектов изучения разные структуры, представлять их в виде самостоятельных систем, и тогда будут получаться качественно разные представления деятельности. Это значит, что Теория Деятельности будет объединять целый ряд различных научных предметов, и каждый из них будет характеризоваться своими особыми «единицами» деятельности» [Щедровицкий, 1995, с. 242–243].

Исследование социальных систем Т. Парсонсом. Одним из выдающихся разработчиков теории социальных систем на основе деятельностного подхода является американский социолог Т. Парсонс. По его мнению, «социальные системы – это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [Парсонс, 1997, с. 18]. Таким образом, в понимании Т. Парсонса социальную систему следует трактовать как систему социальных отношений, под которыми понимается совокупность механизмов вовлечения индивидов в совместную деятельность, т.е. включения их во взаимодействие. Изложенная Т. Парсонсом теория действия и социальных систем считается одной из самых сложных теоретических конструкций современной теоретической социологии.

Мы обратим внимание на три стороны его подхода. Во-первых, исходным элементом анализа выступает системный анализ человеческой деятельности, того что называют системой действий. Можно утверждать, что Т. Парсонс является одним из самых ярких представителей деятельностного подхода в социологии. Во-вторых, его целью является описание механизмов, обеспечивающих вовлечение индивидов в совместную деятельность, т.е. речь идет фактически об углубленном представлении социальных отношений. В-третьих, устойчивость и распространенность человеческого поведения одновременно определяется всеми элементами системы действия и окружающей среды. Следовательно, для их объяснения необходимо учитывать и элементы социальной системы (ценности, нормы, коллективы и роли), и культурную систему, и личностную систему, и особенности поведенческого организма.

Для исследования социальных систем Т. Парсонс предлагает использовать четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли [Парсонс, 1997, с. 18–19]:

«Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств».

«Нормы, основная функция которых – интегрировать социальные системы, конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуа-

ций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей».

«Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостиженческая функция. Отбрасывая многочисленные случаи крайне неустойчивых групповых систем, таких, как толпа, мы считаем коллективом только такие, которые отвечают двум критериям. Во-первых, они должны иметь определенный статус членства, так что в целом может быть проведено четкое различие членов и не членов данного коллектива – критерий, применимый в широчайшем спектре случаев – от элементарной семьи до политических сообществ. Во-вторых, внутри коллектива должна наличествовать дифференциация его членов по статусам и функциям, так что от некоторых членов ожидается, что они будут делать нечто определенное, то – чего не ожидают от других».

«Роль – это такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию. С ее помощью определяется класс индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив. Поэтому роли охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Какая-то отдельно взятая роль, однако, никогда не составляет отличительную особенность конкретного индивида. Отец является особым отцом только для своих детей, с точки же зрения ролевой структуры своего общества он всего лишь один из категории отцов. Одновременно он также участвует во множестве других видов взаимодействия, например, выполняет свою роль в профессиональной структуре».

Одной из задач своих исследований Т. Парсонс считал описание механизмов осуществления индивидами совместной деятельности и, соответственно, возникновения общества. С этой целью им было выделено понятие «действие», для более углубленного изучения которого был использован системный подход, т.е. поставлена задача выделения основных элементов действия. В центре системы действия, по мнению Т. Парсонса, находится социальная подсистема, окружающая среда которой формируется тремя элементами: культурной подсистемой, личностной подсистемой и поведенческим организмом.

Различение этих четырех подсистем Т. Парсонс связывает с выполнением четырех «первичных» функций, которые должны выполняться в рамках любых систем. В противном случае система не будет способна к выживанию. К таким функциям относятся: 1) интеграция; 2) поддержание ценностного образца (латентная функция); 3) целедостижение; 4) адаптации [Парсонс, 1997 с. 15–16]:

«Первичная интегративная проблема любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определенных целях в качестве субъектов действия, можно рассматривать и коллективы. Интегративная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе».

«За культурной системой закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений – кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия».

«Личности индивида отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции. Личностная система – это главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний. На уровне вознаграждения, в смысле мотивации, главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности».

«Поведенческий организм трактуется как адаптивная подсистема, как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды».

Кроме названных четырех элементов системы действия, Т. Парсонс выделяет также два элемента ее внешней среды. Речь идет о физической среде, т.е. об элементах окружающего материального мира, «если только они не интегрированы в систему действия», и о «высшей реальности» (проблемах «смысла человеческой деятельности»).

Важнейшим свойством названных четырех подсистем системы действия, а также их окружающей среды является то, что они взаимопроникают друг в друга. «При анализе взаимоотношений между четырьмя подсистемами действия, а также между ними и средой действия важно не упускать из виду явление взаимопроникновения. Возможно, наиболее известным примером взаимопроникновения может служить интернализация социальных объектов и культурных норм в личности индивида. Другим примером является приобретаемое путем обучения содержание опыта, которое систематизируется и хранится в аппарате памяти индивида. Можно упомянуть также институционализацию нормативных компонентов культурных систем в качестве конститутивных структур социальных систем» [Парсонс, 1997, с. 16].

Структура социальной деятельности. Система социальной деятельности представляет собой сложное единство вполне определенных элементов. Содержание этой системы может быть раскрыто путем последовательной фиксации этих элементов и их взаимосвязей. Соответственно, выделение структуры деятельности становится необходимым этапом изучения системы.

В литературе представлены самые различные, зачастую весьма сложные варианты структур деятельности. Как отмечает К.Г. Рожко, «деятельность людей объясняется по-разному. Во-первых, одни относят к ней все ее элементы: субъект, объект, средства, методы, самую деятельность, ее условия; другие же называют лишь самоё деятельность, «вычитая» остальное. Во-вторых, существует иное разграничение мнений. В представлении одних авторов деятельность в широком смысле включает в себя объективное и субъективное, внутреннее и внешнее, материальное и идеальное, практическое и теоретическое, общественное и индивидуальное. Другие исходят из одного или нескольких узких определений деятельности как только практической, или внешней, или материальной, или объективной, или только общественной» [Рожко, 2009, с. 23].

Самые простые трактовки структуры деятельности как правило выделяют в ней три основных элемента: 1) субъект деятельности; 2) объект деятельности; 3) собственно процесс социальной деятельности (живая деятельность). При этом обычно подчеркивается, что эти элементы не являются автономными, они внутренне связаны и взаимодействуют друг с другом. Их нельзя опи-

сать и определить в отрыве друг от друга и от характеристики системы как целого.

Близкой к таким трактовкам является представление П. Сорокина об основных компонентах человеческого взаимодействия: «Каждый процесс значимого человеческого взаимодействия состоит из трех компонентов, а каждый компонент, в свою очередь, складывается их множества других, которые определяют его конкретный абрис. Эти компоненты включают в себя: 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [Сорокин, 1992, с. 193]. Как видно, в качестве основных автор рассматривает четыре группы элементов: субъектов, их внутреннюю регулятивы (значения (смыслы), ценности и нормы), живые действия и условия (средства) деятельности.

Достаточно популярной в 70–80-х годах прошлого века была «всеобщая структура деятельности», предложенная советским философом Э.Г. Юдиным. По его мнению, «всеобщая структура деятельности включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности. Целесообразный характер деятельности приводит к тому, что одним из главнейших ее условий и оснований является сознание, понимаемое в самом широком смысле – не только как совокупность самых различных форм сознания, но и как множество его внутренних регулятивов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т.д.)» [Юдин, 1997, с. 247]. В российской литературе такая структура получила достаточно широкое распространение.

Развивая данный подход, болгарский философ Л.Н. Николов, наряду со «всеобщей структурой», выделяет понятие «совокупной структуры» деятельности: «Если «всеобщая структура» деятельности фиксирует ее необходимые и достаточные элементы, которые присутствуют в любом процессе деятельности, независимо от того, к какому виду, типу или форме относится этот процесс, то другая структура, которая может быть условно названа «совокупная структура» деятельности, фиксирует отдельные виды, типы или формы как компоненты совокупной деятельности человека» [Николов, 1984, с. 35]. Выделение совокупной структу-

ры деятельности должно быть осуществлено на основе ее всеобщей структуры. Недостаточная разработанность последней формирует и проблемы изучения совокупной структуры. По мнению Л.Н. Николова, основания деления совокупной структуры «...находятся в особенностях отдельных элементов «всеобщей структуры» деятельности или в особенностях отношений между ними. Следовательно, обоснование «совокупной структуры» нельзя осуществить независимо от представления о «всеобщей структуре», без серьезного анализа элементов и отношений последней» [Там же, с. 37].

Одним из наиболее признанных исследователей деятельности является американский социолог Т. Парсонс. Формулируя свою «теорию действий», он предложил интересный вариант их структуры, который мы и приводим ниже: «Следует подчеркнуть, что, говоря о единице действия как о чем-то существующем, мы не имеем в виду при этом какое-то конкретное пространственное или иным образом определенное существование. Мы говорим о возможности представить себе акт действия как единицу с точки зрения определенной системы координат. При этом должно существовать некое минимальное число терминов, необходимых для ее описания, а также минимальное число фактов, которое нужно констатировать относительно нее, прежде чем о ней вообще можно будет говорить как о единице системы.

В этом смысле «акт действия» или просто «акт» логически включает в себя следующее: 1) предполагает агента, «деятеля» или «актера» (actor); 2) акт по определению должен иметь «цель» (end), т.е. будущее положение вещей, на которое ориентировано выполняемое действие; 3) акт предпринимается в «ситуации», направление развития которой в одном или нескольких отношениях кардинально отличается от того положения вещей, на которое ориентировано действие, т.е. от цели. Эта ситуация, в свою очередь, может анализироваться с помощью двух типов элементов: тех, которые актер не может проконтролировать, т.е. тех, которые он не может изменить, или тех, изменения которых, противоречащие его целям, он не может предотвратить, – с одной стороны, и тех, которые он может контролировать, – с другой. Для первых можно использовать термин «условия» действия, для вторых же – «средства»; 4) в аналитическом понимании единицы действия изначально содержится определенный способ взаимоотношений всех элементов друг с другом. То есть в выборе аль-

тернативных средств достижения цели, в той мере, в какой ситуация представляет такие альтернативы, существует «нормативная ориентация» действия» [Парсонс, 2000, с. 94–95]. Для наших исследований важным является добавление Т. Парсонсом в качестве элемента деятельности «способа взаимоотношений элементов друг с другом», а точнее наличие «нормативной ориентации действия». Впоследствии именно этому элементу мы будем уделять основное внимание.

Социальные отношения как необходимый элемент структуры деятельности. Анализ вариантов структуры деятельности, предложенных отечественными исследователями наводит на мысль об отсутствии в них важного элемента. Действительно, установление имманентных свойств деятельности – предметности, сознательности, коллективности – позволяет поставить вопрос об условиях и механизмах, которые обеспечивают непреложное наделение ее названными качествами. Мы считаем, что социальная деятельность должна иметь в своей структуре определенные элементы, обеспечивающие наличие названных свойств. Следовательно, необходимо найти таковые элементы.

По нашему мнению, среди вышеназванных элементов структуры деятельности можно указать те из них, которые формируют ее предметность и сознательность. Так, предметность деятельности, по-видимому, определяется ее объектом, под которым, как правило, подразумеваются окружающие человека предметы материального мира, в том числе и сам человек. Сознательный характер человеческой деятельности, по-видимому, определяется ее субъектом – человеком разумным, все действия которого проходят через сознание.

Сложнее обстоит дело со свойством коллективности (совместности). Ни один из вышеупомянутых важнейших элементов данной системы не в состоянии обеспечить коллективный характер деятельности. Все они отвечают за другие важные функции и свойства деятельности. Между тем коллективность деятельности является ее непреложным и важнейшим свойством. Последний тезис признается всеми исследователями данного феномена.

Установление того факта, что человеческая деятельность есть явление коллективное, и в этом смысле «социальное», «общественное», позволяет нацелить внимание исследователей на поиск

причин этого свойства деятельности. Повсеместно осуществляющееся взаимодействие индивидов, которое в различных сферах деятельности принимает разнообразные формы, предполагает наличие устойчивых причин, обеспечивающих формирование данного свойства деятельности. Всепроникающий характер этого свойства позволяет сформулировать утверждение о существовании определенных механизмов вовлечения отдельных субъектов в совместную деятельность. Действие этих механизмов и приводит к тому, что каждый индивид действует не в одиночку, а в составе определенной группы и таким образом его деятельность становится частью совместной, групповой деятельности.

Следовательно, в структуре системы деятельности должен присутствовать определенный элемент, функцией которого является повсеместное придание деятельности коллективного (социального) характера. Такой элемент призван обеспечить совместность действий индивидов, т.е. ответственен за формирование общности социальной деятельности. Отсутствие такого рода элементов в предложенных отечественными философами структурах деятельности, на наш взгляд, является их существенным недостатком.

Отметим, что в рассмотренных нами работах западных социологов такого рода элементы включены в структуру деятельности. Как мы отмечали выше, П. Сорокин выделяет такие необходимые средства взаимодействия индивидов как «осознаваемые ими значения, ценности и нормы», Т. Парсонс в своей теории действий отдельно рассматривает «способы взаимоотношений элементов друг с другом», обеспечивающие «нормативную ориентацию действия».

Используя идеи П. Сорокина и Т. Парсонса, мы утверждаем, что в структуре деятельности должен присутствовать элемент, который формирует определенный «способ взаимоотношений» акторов друг с другом и вместе с этим коллективный характер человеческой деятельности в целом. Важно подчеркнуть, что речь здесь идет не просто о любых взаимоотношениях акторов, а только о тех, которые возникают в качестве средства вовлечения последних в совместную деятельность. Это и формирует «определенность» данного рода взаимодействий и позволяет характеризовать их в качестве механизмов вовлечения индивидов (акторов) в совместную (коллективную) деятельность. Такие механизмы мы будем называть *социальными отношениями*.

Таким образом, в структуре системы социальной деятельности в качестве отдельного элемента мы выделяем социальные отношения, под которыми будем понимать *все существующие механизмы вовлечения индивидов (акторов) в совместную деятельность*. Данный элемент функционирует наряду с другими элементами системы социальной деятельности, и его результатом является формирование коллективного характера (общности) человеческой деятельности.

Отметим, что в отличие от определений, которые под социальными отношениями понимают фактически любые взаимодействия или связи индивидов в процессе деятельности, в нашей трактовке к ним относятся только те из них, которые вовлекают индивидов в совместную деятельность. Таким образом, среди всех взаимодействий мы выделяем те, которые определяют формы и содержание остальных взаимодействий и которые, в отличие от последних, мы называем социальными отношениями. Целью социальных отношений является вовлечение индивидов в различные взаимодействия, т.е. обеспечение коллективного характера деятельности.

Важно отметить, что социальные отношения мы рассматриваем как совокупность всех механизмов объединения индивидов. Далее будут введены понятия «естественных (технологических)» и «общественных отношений» как видов отношений социальных. Таким образом, социальные отношения выступают по сравнению с естественными и общественными отношениями категорией более высокого, обобщенного уровня.

Таким образом, добавление элемента «социальные отношения» в структуру социальной деятельности довершает ее формирование и позволяет ее представить в следующем виде:

- 1) сознательные субъекты деятельности (индивиды, личности);
- 2) внутренние регулятивы поведения субъектов: значения (смыслы), ценности, нормы, цели и роли;
- 3) собственно процесс деятельности (действий) или живая деятельность;
- 4) объект деятельности;
- 5) условия и средства деятельности;
- 6) социальные отношения – механизмы вовлечения субъектов в совместную деятельность, т.е. механизмы обеспечения общности деятельности;
- 7) продукты (результаты) деятельности.

Системный характер деятельности означает, что все эти элементы выступают как неразрывное целое, определение каждого из них возможно только на основе объяснения его взаимодействия с другими компонентами.

Социальная структура. В процессе взаимодействия люди сталкиваются с различными механизмами своего вовлечения в совместную деятельность, т.е. вступают в различного рода социальные отношения. Множественность этих отношений побудила некоторых исследователей использовать понятие «социальная структура» для обозначения системы этих отношений. Одним из таких исследователей является А. Рэдклифф-Браун. По его мнению, «...наши непосредственные наблюдения не открывают нам, что эти люди связаны сложной сетью отношений. Я использую термин «социальная структура» для обозначения такой сети реально существующих отношений» [Рэдклифф-Браун, 2001, с. 221].

Важно отметить, что социальная структура определяется и формируется в процессе развития общества. «Социальные отношения, сеть которых обуславливает социальную структуру, представляют собой не случайное соединение индивидов, но определяются социальным процессом. Любые отношения характеризуются тем, что поведение людей при взаимодействии друг с другом регулируется нормами, правилами и эталонами. Итак, при любых отношениях внутри социальной структуры человек знает, что от него ожидают поведения, соответствующего этим нормам, и, в свою очередь, он вправе ожидать того же от других» [Рэдклифф-Браун, 2001, с. 18].